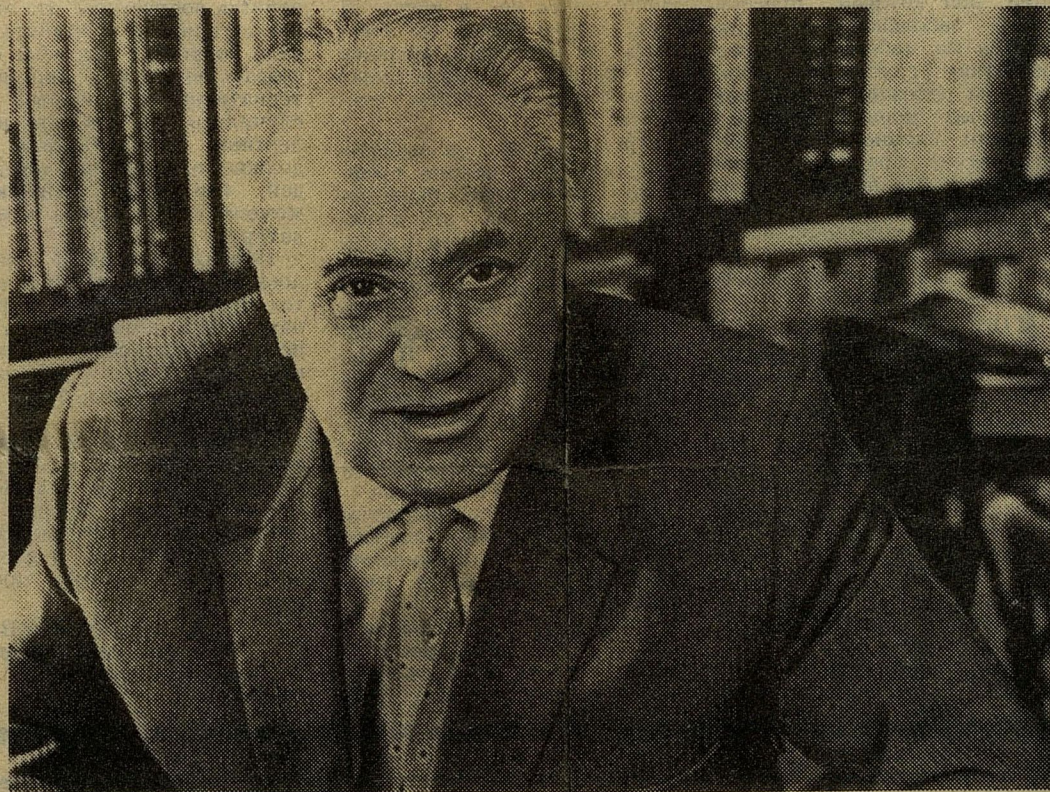

ЭТО БЫЛА ЛИЧНОСТЬ

Так отзывается о Михаиле Жарове народный артист СССР Николай Крючков

В конце этого месяца исполнилось 90 лет со дня рождения народного артиста СССР Михаила Ивановича Жарова. За 62 года творческой деятельности он снялся более чем в тридцати фильмах, в одной из картин выступил в качестве режиссера-постановщика. Его сценические работы зрители разных поколений могли видеть в театральной студии, где он учился до 1919 года, под сводами Театра имени Мейерхольда, в Камерном театре и наконец в Малом, которому, начиная с 1938 года, М. Жаров отдал большую часть своей жизни. Фронтовики встречались с артистом и в перерывах между сражениями, когда он выступал в передвижном театре в двух шагах от поля боя. Но сегодня мы вспомним Михаила Жарова как популярнейшего актера, оставившего неизгладимый след в истории советского кинематографа.

ОБРАТИМСЯ к творческой биографии актера. Уже в первых своих эпизодических киноролях М. Жаров проявил черты уникальной творческой индивидуальности. Телевидение иногда напоминает нам о любознательном конторщике из «Папиросницы от Моссельпрома» (1924), унылом половом из «Мисс Менд» (1926), члене «Общества изучения деревни» из «Дона Диего и Пеллагеи» (1928)... Уже тогда начинающий актер сделал заявку на то, чтобы называться мастером импровизации. Его острохарактерные мини-роли были пронизаны сочным юмором, задором, характерным для кинематографа тех лет.

Первый советский звуковой фильм «Путевка в жизнь» (1931) принес Жарову поистине всесоюзную известность и любовь.

Мустафа дорогу строил,
Мустафа ее чинил,
Мустафа по ней поехал,
А Жиган его убил, —
звучала повсюду общеизвестная народная припевка. Жиган — одна из первых значительных работ Жарова в кино.

«Любимец публики», как сейчас сказали бы, неформальный лидер, а попросту главарь воровской банды, прикрывающийся личиной «своего парня», Жиган воплощал в себе те темные силы, которые препятствовали развитию того, что называлось и называется культурной революцией. Однако жестокость и нравственное уродство — черты, не требующие глобальных обобщений. Герой Жарова в этом плане современен и сегодня.

Даже в беспощадном сатирическом разоблачении своих отрицательных героев Жаров вносил комедийную интонацию. Среди его лучших работ роли в таких фильмах, как «Возвращение Максима», «Выборгская сторона».

Большая же часть работ Михаила Ивановича носила ярко выраженный положительный характер. Это и обаятельный следователь Ларцев в «Ошибках инженера Кочина» (1939), и жизнелюбивый и озорной Кудряш в «Грозе» (1934), и запоминающийся забавный ухалень и женоненавистник Смирнов в «Медведе» (1938).

Громкую славу принесла М. Жарову роль Меншикова в удостоенном Государственной премии СССР фильме «Петр I» (1937, 1939). На фоне европейской чопорности это был истинно русский герой — умный, удалой, обаятельный. Незаурядную натуру жаровского Меншикова не могли затмить ни развязность, ни чванливость царского придворного. В актерских кулуарах рассказывалась такая байка: гигантский Жаров — Меншиков оказался значительно выше Симонова — Петра, что противоречило действительности, поэтому Николаю Симонову приходилось вставать на ска-

меечку, когда они с партнерами попадали в один кадр.

В начале 30-х годов Михаил Жаров познакомился с замечательным артистом советского кино Николаем Крючковым. Тогда Крючков только начинал, будучи пареньком двадцати с небольшим лет.

— Мы встретились впервые в 1933 году, — рассказывает Николай Афанасьевич, — во время съемок картины «Окраина». Это был первый фильм, где я играл. Снимал его режиссер Борис Барнет — мой крестный отец в кино. Я исполнял там роль Сеньки-сапожника, а Жаров — интеллигента среди идущих демон-

странтов, была там такая сцена... По сценарию в фильме мы тогда не сталкивались. Всего мы сыграли вместе в двух картинах, второй была лента «Во имя Родины». Пудовкина, снятая в 1943 году. Здесь-то уж мы сошлись вплотную: капитан Софронов — мой герой посылает военфельдшера Глобу на задание в тыл... Вот только в театральных делах мы вместе не участвовали: Жаров работал в Малом, а я в Театре-студии киноактера.

...Сороковые-роковые ввели новую тему в искусстве — тему Священной войны. Вслед за озорным, веселым дьяком

Гаврилой из «Богдана Хмельницкого» в творческую жизнь Жарова вошли мужественные герои Отечественной и гражданской, несущие с экрана романтику, подвиг, жизнелюбие, веру в победу: казак Перчихин («Оборона Царицына»), партизан Русов («Секретарь райкома»), Харитонов («За тех, кто в море!»).

Самым бурным творческим периодом для нас был, конечно, военный. Тогда объединенная студия, состоящая из московской и ленинградской, находилась в эвакуации в Алма-Ате. Все свободное время мы проводили там, где снимались. А куда было еще деваться? Там я пробыл до августа 1943 года, а потом, после съемок «Во имя Родины», уехал на Кавказ сниматься у Хейфица и Зархи в «Малаховом кургане». Жизнь же до отъезда была пренапряженной: картины одна за другой, концерты фронту...

«Что такое? Вас из дас?»

Немцы драпают от нас! — фашисты тогда подходили к Москве, а мы верили в освобождение и пели так. Вот здесь нам с Мишей довелось играть не только на одной сцене, но и в одном концертном номере.

— Что это был за человек, каким вы его запомнили?

— Много не расскажу, потому что тесного контакта у нас с ним не было, домами, как говорится, не общались. Но что нужно отметить, так это то, что Жаров был не только своеобразный актер, это была личность. Не знаю, как и с кем, но у нас с ним творческие отношения складывались очень хорошо. Обычно актер такой величины, такого размаха и такой известности во время работы все время, как бы это сказать, тащит одеяло на себя... Например,

Миша не любил сниматься ухом: перед камерой, когда мы вдвоем были в кадре, поворачивался так, чтобы быть анфас, а я оказывался в профиль. Однако дальше так дело не пошло, потому что, с кем бы я ни работал, мне было легко со всеми, и с ним все улаживалось, и не возникало больше проблем.

— У вас когда-нибудь возникала зависть?

— По амплуа мы абсолютно разные, поэтому никакой зависти к Мише у меня быть не могло. Он делал свое дело, а я свое. И делал он свое дело прекрасно — талантливо, профессионально, на полном накале. Вспомним удостоенную Государственной премии комедию 1946 г. «Беспокойное хозяйство», в которой Михаил Иванович не только сыграл главную роль, но и выступил как постановщик. Вспомним Зайцева из «Трех товарищей» и Еропкина из «Близнецов». Вспомним Малюту Скуратова из «Ивана Грозного» и Анискина из целой серии картин Ж. и В. Ивановых. А еще «Человека в футляре», «Воздушного извозчика», «Красные листья», «Анну на шее», «Старшую сестру»...

Последний раз я его видел в Кинотеатре повторного фильма на творческом юбилее братьев Васильевых, куда мы были приглашены. Помню, мы выступали, говорили что-то... Смерть Миши была для меня неожиданной. Мне он нравился как человек и как артист, а таких людей всегда жалко, всегда чувствуешь невосполнимую утрату. Это был народный артист по большому счету!

Нельзя не согласиться с этими словами, ибо значение личности Михаила Ивановича Жарова в советском кинематографе невозможно переоценить. А с экрана который уж десяток лет все звучит хорошо знакомая песня:

«Пора в путь-дорогу!
Дорогу дальнюю, дальнюю,
дальнюю идем».

Т. БАЙДАКОВА.